

МЫСЛИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РАССКАЗЧИКА (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗА Л. Н. ТОЛСТОГО «МЕТЕЛЬ»)

М. А. Дубова

*Государственный социально-гуманитарный университет
(г. Коломна, Россия)*

Аннотация. *Учитывая возрастающий в филологии интерес к изучению особенностей функционирования языка в рамках антропоцентрической парадигмы, предполагающей исследование человеческого разума, мышления и ментальных процессов, которые с ними связаны, автор посчитал целесообразным посвятить статью анализу лексических средств репрезентации концепта «мыслительная деятельность» рассказчика в произведении Л. Н. Толстого «Метель». Ключевой в повествовании образ рассказчика воссоздается преимущественно за счет глагольных лексем со значением мыслительной деятельности, а также через диалоги с героями произведения, в которых он принимает активное участие путем включения его реплик с помощью речевых глаголов. Мыслительная деятельность рассказчика лексически неоднородна и представлена преимущественно глаголами со значением памяти, знания и мышления. Таким образом, в ходе анализа автор статьи приходит к выводу, что репрезентативная структура концепта «мыслительная деятельность» реализуется в основном лексико-семантическими средствами, к числу которых логично отнести глаголы со значением интеллектуальной и речевой деятельности. Мыслительная деятельность рассказчика выступает средством выражения его мироощущения, а также важным компонентом характеристики его языковой личности.*

Как считает автор статьи, лингвистический анализ концепта «мыслительная деятельность» как компонента языковой личности рассказчика позволяет раскрыть комплекс характеристик, составляющих его представление об окружающем мире и оценку происходящих событий.

Акцентируя внимание на функционировании концептуальных лексем, выступающих значимыми компонентами языковой картины мира рассказчика, автор делает выводы об индивидуальном своеобразии его мыслительного процесса на материале конкретного рассказа писателя «Метель».

Ключевые слова: *Л. Н. Толстой, «Метель», концепт «мыслительная деятельность», репрезентация, лексические средства, речевые глаголы, мироощущение, языковая личность.*

MENTAL ACTIVITY OF THE NARRATOR (BASED ON THE STORY OF LEO TOLSTOY "THE SNOWSTORM")

M. A. Dubova

*State University of Humanities and Social Studies
(Kolomna, Russia)*

Abstract. *Given the growing interest in philology in the study of the peculiarities of the functioning of the language within the framework of the anthropocentric paradigm which implies the study of the human mind, thinking and mental processes that are associated with them, the author considered it expedient to devote the article to the analysis of the lexical means of representing the narrator's mental*

activity in the work of L. N. Tolstoy "The Snowstorm". The key image of the narrator in the story is recreated mainly through verbal lexemes with the meaning of mental activity, as well as through dialogues with the main characters in which he takes an active part by including his remarks using speech verbs. The mental activity of the narrator is lexically heterogeneous and is represented mainly by verbs with the meaning of memory, knowledge and thinking. Thus, in the course of the analysis, the author of the article concludes that the representative structure of the concept of "mental activity" is implemented mainly by lexical and semantic means among which it is logical to include verbs with the meaning of intellectual and speech activity. The narrator's mental activity acts as a means of expressing his attitude to the world, as well as an important component of the characteristics of his linguistic personality.

According to the author of the article, the linguistic analysis of the narrator's mental activity as a component of his linguistic personality makes it possible to reveal the complex of characteristics that make up his worldview and an assessment of the events taking place.

Focusing on the functioning of conceptual lexemes which are significant components of the narrator's linguistic picture of the world the author draws conclusions about the individual originality of his mental activity based on the material of a specific story of the writer "The Snowstorm".

Keywords: *L. N. Tolstoy, "The Snowstorm", concept "mental activity", representation, lexical means, speech verbs, attitude, linguistic personality.*

Введение

Творчество Л. Н. Толстого давно и прочно вошло в классику даже не отечественной, а мировой литературы. Несмотря на многочисленные прочтения и анализ его произведений учеными-филологами и представителями других областей научного знания, в первую очередь, историков и культурологов, никто не возьмет на себя ответственность сказать, что творческое наследие писателя изучено в полном объеме, что в нем не осталось потенциала для новых исследований, поскольку каждая новая эпоха предлагает свой взгляд на художественную природу произведений классика и своё прочтение его многочисленного наследия.

Особенно актуально эти слова звучат на пороге нового тысячелетия, в XXI веке, когда возможности науки достигли такого уровня, который позволяет расширить рамки отдельной области знаний и осмыслить художественный текст как мультидисциплинарную единицу, предмет изучения разных научных отраслей. Сказанное относится, в том числе и к языку, который, общепризнанно, «функционирует в личностном универсуме, или лингвоперсонологическом пространстве» [7, с. 35]. Говоря об этом, мы имеем в виду, конечно, возможности когнитивной лингвистики – «направления в науке, объектом изучения которого является человеческий разум, мышление и те ментальные процессы и состояния, которые с ними связаны» [6, с. 6]. Не вызывает сомнений утверждение В. А. Масловой о том, что «когнитивный мир человека изучается по его поведению и деятельности, протекающих при активном участии языка, который образует речемыслительную основу любой человеческой деятельности – формирует её мотивы, установки...» [6, с. 8]. «Изучение литературных констант с учетом их ментальной сущности... может осуществляться как междисциплинарное исследование... объединяющим термином, широко используемым современной гуманитарной наукой, является термин «концепт»» [1, с. 4]. Одним словом, в результате действия когнитивных механизмов формируются представления человека о мире, составляющие основу концепта как некой ментальной сущности, «оперативной единицы памяти ментального лексикона, концептуальной системы мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [5, с. 43].

Принимая во внимание сказанное, сформулируем цель нашей статьи, которая состоит в анализе лексических средств репрезентации концепта «мыслительная деятельность» рассказчика в одном из произведений Л. Н. Толстого, написанном в 50-ые годы XIX века. Этот рассказ, как и другие произведения писателя, созданные в эти годы, характеризуется «глубоким и тонким мастерством психологического анализа..., передавать тайные сокровенные мысли и чувства человека» [10, с. 627].

Анализ

В центре нашего исследовательского интереса небольшой по объему рассказ Л. Н. Толстого «Метель», созданный автором в 1856 году, который, как художественное произведение «представляет собой нерасторжимое единство объективного и субъективного воспроизведения реальной действительности и авторского понимания её, жизни как таковой, входящей в художественное произведение и познаваемой в нем, и авторского отношения к жизни» [4, с. 6]. Сюжет этого произведения, композиционно состоящего из одиннадцати главок, довольно прост: автор, от лица которого ведется повествование и, соответственно, мыслительный процесс которого и представляет для нас особый интерес, так как раскрывается наиболее полно и обстоятельно, рассказывает, как *«В седьмом часу вечера я, напившись чаю, выехал со станции, которой названия уже не помню, но помню, где-то в Земле Войска Донского, около Новочеркасска»* [11, с. 39]. Так начинается рассказ. И, как мы видим, уже в первом предложении присутствует повторяющаяся два раза глагольная лексема со значением воспроизведения в памяти каких-либо фактов и событий, характеризующая мыслительную деятельность рассказчика.

В нашем случае это воспоминание об одной поездке, запомнившейся рассказчику по причине разыгравшейся тогда метели: *«Метель становилась сильнее и сильнее, и сверху снег шел сухой и мелкий»* [11, с. 45]. Таким образом, заглавие рассказа «Метель» является одной из ключевых лексем повествования и одним из объектов мыслительного процесса рассказчика: *«Метель была так сильна, что насилу-насилу, перегнувшись совсем вперед и ухватясь обеими руками за полы шинели, я мог по колеблющемуся снегу..., пройти те несколько шагов, которые отделяли меня от моих саней»* [11, с. 55]. Все дальнейшее повествование посвящено тому, как в условиях усиливающейся метели путники пытаются добраться до станции, неоднократно сбиваясь с дороги, двигаясь по кругу, теряя надежду выехать хоть к какому-либо человеческому жилью, но в итоге все-таки все завершается благополучно, и они доезжают до станции. Думается, какой интерес может представлять мыслительная деятельность рассказчика в данном произведении, содержание которого составляет путь нескольких человек в метель от станции до станции? На самом деле, если внимательно прочитать рассказ, то мы откроем для себя очень много интересного, в том числе в характеристике языковой личности самого рассказчика, важным компонентом которой является концепт «мыслительная деятельность».

Не вызывает сомнений, что мыслительная деятельность персонажа, как известно, «представляет собой существенный компонент характеристики его языковой личности, отражающий его мировосприятие, формирующий его оценочное отношение к реальности, движущий его поступками» [4, с. 138].

В качестве мыслящего субъекта в произведении Л. Н. Толстого выступает сам рассказчик, от лица которого и ведется авторское повествование. Объектом его осмысления в первых главах произведения является метель, в которую он попал по дороге на станцию и связанные с нею переживания не потерять дорогу, не заблудиться, подтверждением чему являются многочисленные реплики его диалогов. Как известно, «диалог в силу его композиционного строения, позволяет охарактеризовать позицию героя [в нашем случае рассказчика] по тому или иному вопросу не только из его слов, но и из ответных реплик собеседника» [3, с. 101]. Нельзя не согласиться со словами С. И. Кормилова, что «Толстой разворачивает диалоги, изображение связывается с точкой зрения того или иного персонажа, хотя автор с его оценочной позицией всегда возвышается над персонажем» [9, с. 429]. Анализируемый нами рассказ не является исключением. Здесь обилие диалогов предполагается развитием самого сюжета. Действительно, в разыгравшуюся метель, переезжая в санях со станции на станцию, что можно еще делать в дороге: наблюдать

за разыгравшейся стихией, говорить с попутчиками и дремать, окруженный однообразными зимними пейзажами, кстати лексема «сон» также выполняет роль концептуальной и служит для раскрытия языковой личности рассказчика.

Сразу заметим, что первые главы произведения характеризуются наибольшей речевой активностью рассказчика, что в принципе и понятно, так как путь только начался, едущие присматриваются друг к другу и обмениваются репликами по поводу усиливающейся метели. Реплики рассказчика, обращенные к ямщику, Алешке, Игнашке, вводятся в текст всего двумя речевыми глаголами «сказать» в значении «говорить» а именно: «4. с кем обращаясь, разговаривать, вести беседу, разговор» [8, с. 117] и его грамматическими формами: – *Не заблудиться ли нам?* – **сказал** я ямщику [11, с. 39]; – *А теперь ведь не холодно и потише стало,* – **сказал** я [11, с. 41]; *Пускай лошадей, пусть везут назад,* – **сказал** я [11, с. 42]; – *Пошел за ними,* – **сказал** я [11, с. 44]; – *Да, холодно очень становится,* – **сказал** я [11, с. 55]. Как мы видим, глагольная лексема «сказать» употребляется в тексте первых глав сравнительно редко, что говорит о низкой речевой активности рассказчика, отсутствии у него особого желания комментировать происходящее и вступать в беседу с попутчиками. Объектами его разговора является ситуация, в которой он оказался в связи с разыгравшейся непогодой: опасения не сбиться ли с пути, надежды на окончание метели желание добраться до станции. Однако гораздо чаще диалогические реплики рассказчика включаются в текст разными грамматическими формами речевого глагола «спросить» в значении «1. Обратиться к кому-н. с вопросом с целью узнать, выяснить что-н.» [8, с. 659]: – *Да ты скажи лучше, надеешься ли ты довести до станции или нет?* – продолжал я **спрашивать** [11, с. 39]; – *Что? Куда ты? Сбилась, что ли?* – **спрашивал** я [11, с. 40]; – *Что же будем делать?* – **спросил** я [11, с. 40]; – *Что, как ты думаешь,* – **спросил** я опять ямщика [11, с. 41]; – *А это что чернеется?* – **спросил** я [11, с. 44]; – *Что же мы будем делать?* – **спросил** я [11, с. 44]; – *Что ты это делаешь?* – **спросил** я [11, с. 60]; – *Что, где мы теперь?* – **спросил** я [11, с. 60]. Активное использование автором данного глагола, на наш взгляд, свидетельствует о том, что основу речевой позиции рассказчика составляет его желание узнать у попутчиков их мнение о происходящей в природе стихии, о возможности добраться до станции в условиях разыгравшейся метели, может быть, услышать от них слова поддержки, обнадеживающие в сложившейся ситуации. Актуализируя местоимение «мы», рассказчик тем самым приобщает себя к персонажам, с которыми он ведет диалог и вместе переживает это происшествие. Кроме того, содержание приведенных реплик характеризует и психологическое состояние рассказчика, в котором явно проступают волнение и тревожность.

Речевая активность первых глав сменяется некоторым чувством безразличия к однообразному снежному пространству; монотонная езда навеивает сон и склоняет к размышлениям, что вполне закономерно актуализирует использование глаголов мысли

Как уже было отмечено выше, существенным компонентом в характеристике языковой личности рассказчика «является его мыслительная деятельность, которая представлена в тексте рассказа группой глаголов мысли» [2, с. 6].

В качестве интегральной выступает сема глагола «думать» в значении «направлять мысли на что-нибудь» [8, с. 156]. В тексте рассказа она представлена следующими глаголами: *Уже, я думаю, около полуночи к нам подъехали старичок и Василий, догнавшие оторвавшихся лошадей* [11, с. 47]; «*Советчик, что всё кричит из вторых саней, какой это мужик должен быть...*, – **думаю** я, – *вроде Федора Филиппыча, нашего старого буфетчика*» [11, с. 47]; ... и главное, странно было **думать**, что мы все едем и шибко едем, куда-то прочь от того места, на котором находились [11, с. 56]; «*Неужели это я уже замерзаю,* – **думал** я сквозь сон, *замерзание всегда начинается сном, говорят* [11, с. 57]. Примечательно, что

глагольная лексема «думать» трижды встречается в середине рассказа (с 5 по 8 главу), так сказать примерно в середине поездки рассказчика, что, на наш взгляд связано с появлением у него мыслей о возможной опасности пути, о наступлении от монотонной езды и однообразного пейзажа полудремотного состояния, которое навеивает сон, описанный в 6 главе рассказа, на что указывают приведенные цитаты.

Наиболее активно мыслительный процесс рассказчика характеризуется глагольными лексемами «помнить» в значении «сохранять, удерживать в памяти; не забывать» [8, с. 483] и «вспомнить» в значении «возобновлять в своей памяти» [8, с. 91], составляющими одну из дифференциальных сем. Прокомментируем их употребление рассказчиком. Как уже говорилось, произведение начинается с двойного повтора глагольной лексемы «помню / не помню» в первом предложении текста: *В седьмом часу вечера я, напившись чаю, выехал со станции, которой названия уже **не помню**, но **помню**, где-то в Земле Войска Донского, около Новочеркаска* [11, с. 39]. И рядом употребляется лексема «вспомнить»: *Мне совестно **вспомнить**, каким громким, пронзительным, даже немного отчаянным голосом я закричал еще раз: «Ямщик!»* [11, с. 42], которые, с одной стороны, сразу определяют форму повествования – воспоминание, а с другой – даже свидетельствуют об эмоциональном состоянии рассказчика (*закричал громким, пронзительным голосом*), попавшего в сильную метель и имеющего все шансы сбиться с пути и замерзнуть в этом снежном океане. Все остальные словоупотребления лексемы «помнить» относятся ко сну рассказчика, описанному в 6 главе произведения, когда, по его собственным словам, *«Воспоминания и представления с усиленной быстротой сменялись в воображении»* [11, с. 49]. Приведем в качестве примера контексты с употреблением данной лексемы: ***Помню** чувство, с которым я, лежа, гляжу сквозь красные колючие стволы шиповника на черную... землю и на просвечивающее ярко-голубое зеркало пруда* [11, с. 49]; ***Помню** чувство, которое мне говорило: «Вот бросься и вытащи мужика, спаси его...* [11, с. 51]; ***Помню** выразившееся на этом лице разочарование ..., и **помню** больное, скорбное чувство, которое я испытал...* [11, с. 53]; ***Помню**, как ярко и жарко пекло солнце сухую, рассыпчатую под ногами землю...* [11, с. 53]. Невольно возникает вопрос, а почему события именно этого дня детства рассказчика всплывают в его памяти во время сна, Самый очевидный ответ – события того летнего дня произвели на него сильное впечатление. И как мы знаем из текста, этих событий было два: первое – это досада от того, почему никто не удивляется тому, «как хорош» [11, с. 50] герой; и второе – смерть мужика, утонувшего в пруду и чувства, возникшие в связи с этим происшествием.

Следующая дифференциальная сема глагола «знать» – «иметь сведения о чем-нибудь» [8, с. 201] – «не знать» соответственно «не иметь сведений о чем-нибудь», сюда же относится глагольная лексема «узнать» – «получить какие-нибудь сведения, знания о чем-нибудь» [8, с. 719] реализуется в следующих контекстах: *... скоро уже я решительно не мог **узнать**, след ли это или просто незаметный слой снега* [11, с. 42]; *... скоро **узнал**, что он земляк мне, тульский, господский, из-под села Кирпичного* [11, с. 43]; *– **Не знаю** (хорошо ли едем), – отвечал я* [11, с. 44]; *– А что, **не знаете**, где мы теперь?* [11, с. 54]; *... мы решительно **не знаем**, где мы и куда ехать, не только на станцию, но куда-нибудь к приюту...* [11, с. 56]; *... я слышу, что впереди звонят два колокола, и **знаю**, что я спасен* [11, с. 59]; *Меня ужасно удивило, что мы ехали целую ночь на одних лошадях двенадцать часов, **не зная** куда и не останавливаясь, и все-таки как-то приехали* [11, с. 61].

Обращает на себя внимание преимущественное употребление глагола «знать» с отрицательной частицей «не». Так, какие же сведения имеет рассказчик, а каких не имеет? Как следует из повествования, он твердо знает, что спасен, и это знание у него появляется в конце поездки, во время же езды он не обладает сведениями, куда они

едут и где они находятся в этом снежном океане, что не может не волновать его и не вызывать множество вопросов.

Таким образом, обобщая все сказанное, можно с уверенностью утверждать, что глаголы со значением мыслительного процесса в рассказе Л. Н. Толстого «Метель» играют важную смыслообразующую роль.

Результаты

Ключевой в повествовании образ рассказчика воссоздается преимущественно за счет глагольных лексем со значением мыслительной деятельности, а также через диалоги с героями произведения, в которых он принимает активное участие путем включения его реплик с помощью речевых глаголов, наиболее частотными среди которых являются «сказать» и «спросить». Мыслительная деятельность рассказчика лексически неоднородна и представлена преимущественно глаголами со значением памяти, знания и мышления, к числу которых относятся глагольные лексемы «думать», «помнить», «вспомнить», «знать», «не знать», «узнать». Таким образом, в ходе анализа автор статьи приходит к выводу, что репрезентативная структура концепта «мыслительная деятельность» реализуется в основном лексико-семантическими средствами, к числу которых логично отнести глаголы со значением интеллектуальной и речевой деятельности. Мыслительный процесс рассказчика позволяет наблюдать особенности реализации индивидуального сознания личности автора, выступает средством выражения его мироощущения, а также важным компонентом характеристики его языковой личности.

Как считает автор статьи, лингвистический анализ мыслительной деятельности рассказчика как компонента его языковой личности позволяет раскрыть комплекс характеристик, составляющих его представление об окружающем мире и оценку происходящих событий.

Заключение

Таким образом, нами были проанализированы лексические средства репрезентации концепта «мыслительная деятельность» рассказчика в небольшом произведении Л. Н. Толстого «Метель», которые, в свою очередь, воссоздают особенности его мыслительного процесса и являются важным компонентом раскрытия его языковой личности. Разнообразие реализуемых сем мыслительных глаголов позволяет сделать выводы об индивидуальных особенностях восприятия действительности рассказчиком.

Список источников и литературы

1. Володина Н. В. Концепты, универсалии, стереотипы в сфере литературоведения : монография. М.: Флинта : Наука, 2016. 256 с.
2. Дубова М. А. Глаголы мысли и их роль в репрезентации языковой личности персонажа (на материале рассказа А. П. Чехова «Три года») // Вестник Государственного социально-гуманитарного университета. Гуманитарные науки. 2017. № 3. С. 6–10.
3. Дубова М. А., Чернова Л. А. Диалог как средство реализации оппозиции «цивилизация – человек» (по повести А. И. Куприна «Молох») // Когнитивная лингвистика: Мироощущение персонажа в русской прозе рубежа XIX-XX вв. : сб. ст., посвящ. 75-летию д-ра филол. наук, проф. Любови Афанасьевны Черновой. Коломна: Моск. гос. обл. соц.-гуманитар. ин-т, 2015. 119 с.
4. Есин А. Б. Принципы и приёмы анализа литературного произведения : учеб. пособие. 7-е изд. М.: Флинта, 2005. 248 с.

5. Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е. С. Кубряковой. М.: Филол. ф-т МГУ, 1996. 245 с.
6. Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику: учеб. пособие. 5-е изд. М.: Флинта : Наука, 2011. 296 с.
7. Мельник Н. В. Текстовое моделирование языковой личности. Языковая личность: моделирование, типология, проектирование. Сибирская лингвоперсонология. Ч. 1 / под ред. Н. Д. Голева, Н. Н. Шпильной. М.: ЛЕНАНД, 2014. 640 с.
8. Ожегов С. И. Словарь русского языка: ок. 57000 слов / под ред. чл.-корр. АН СССР Н. Ю. Шведовой. 18-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1986. 797 с.
9. Русская литература XIX-XX веков. В 2 т. Т. 1: Русская литература XIX века / сост. и науч. ред. Б. С. Бугров, М. М. Голубков. 10-е изд. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2010. 544 с.
10. Русские писатели: библиограф. словарь-справ. для учителя / ред.: Д. С. Лихачев, С. И. Машинский, С. М. Петров, А. И. Ревякин ; [сост. А. П. Спасибенко, Н. М. Гайденков]. М.: Просвещение, 1971. 728 с.
11. Толстой Л. Н. Повести и рассказы. М.: Мир книги : Литература, 2006. 448 с.
12. Чернова Л. А., Дубова М. А. Мыслительная деятельность персонажа (повесть А. П. Чехова «Моя жизнь») // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2017. № 1. С. 138–148.

References

1. Volodina N. V. *Kontsepty, universalii, stereotipy v sfere literaturovedeniya: monografiya [Concepts, universals, stereotypes in the field of literary criticism: monograph]*. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ. 2016, 256 p. [In Russian].
2. Dubova M. A. Glagoly mysli i ikh rol' v reprezentatsii yazykovoy lichnosti personazha (na materiale rasskaza A. P. Chekhova «Tri goda») [The verbs of thought and their role in the representation of the character's linguistic personality (based on the story of A.P. Chekhov “Three years)]. *Vestnik Gosudarstvennogo sotsial'no-gumanitarnogo universiteta. Gumanitarnyye nauki*. 2017. Issue. 3 (27). Pp. 6–10. [In Russian].
3. Dubova M. A., Chernova, L. A. Dialog kak sredstvo realizatsii oppozitsii «tsivilizatsiya – chelovek» (po povesti A. I. Kuprina «Molokh») [Dialog as a Means to Implement «Civilization Human» Opposition (Based on the Novel «Moloch» by A. I. Kuprin)] *Kognitivnaya lingvistika: Mirooshchushcheniye personazha v russkoy proze rubezha XIX-XX vv. : sb. st., posvyashch. 75-letiyu d-ra filol. nauk, prof. Lyubovi Afanas'yevny Chernovoy [Cognitive linguistics: The perception of a character in Russian prose at the turn of the 19th-20th centuries: a collection of articles dedicated to the 75th anniversary of Doctor of Philology, Professor Lyubov Afanasyevna Chernova]*. Kolomna: Moscow State Regional Social and Humanitarian Institute Publ., 2015, 119 p. [In Russian].
4. Esin A. B. *Printsipy i priyomy analiza literaturnogo proizvedeniya : ucheb. posobiye 7-ye izdaniye [Principles and methods of analysis of a literary work: Textbook. 7th ed.]*. Moscow: Flinta Publ., 2005, 248 p. [In Russian].
5. Kubryakova E. S., Dem'yankov V. Z., Pankrats Yu. G., Luzina L. G. *Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov [The Brief Dictionary of Cognitive Terms]*. Gen. ed. by E. S. Kubryakova. Moscow: 1996, P. 43. [In Russian].
6. Maslova V. A. *Vvedeniye v kognitivnyuyu lingvistiku: ucheb. posobiye. 5-ye izd [Introduction to Cognitive Linguistics: A Study Guide. 5th ed.]*. Moscow: Flinta Publ., Nauka Publ., 2011. 296 p. [In Russian].

7. Melnik N. V. Tekstovoye modelirovaniye yazykovoy lichnosti. [Textual modeling of a language personality] *Yazykovaya lichnost': modelirovaniye, tipologiya, proyektirovaniye. Sibirskaya lingvopersonologiya. Ch. 1 [Linguistic personality: modeling, typology, design. Siberian linguopersonology. Part 1]*. Ed. by N. D. Goleva and N. N. Shpilnaya. Moscow: LENAND Publ., 2014. 640 p. [In Russian].
8. Ozhegov S. I. *Slovar' Russkogo Yazyka: okolo 57000 slov. 18-ye izdaniye, stereotip [Dictionary of the Russian Language: approx 57000 words. 18th ed., stereotype.]*. Ed. by Corresponding Member USSR Academy of Sciences N. Yu. Shvedova. Moscow: Rus. yaz. Publ., 1986. 797 p. [In Russian].
9. *Russkaya literatura XIX-XX vekov. V 2 tomakh. Tom 1: Russkaya literatura XIX veka. 10-ye izdaniye [Russian literature of the 19th - 20th centuries: In 2 volumes. Vol. 1: Russian literature of the 19th century. 10th edition]*. Comp. and scientific. ed. B. S. Bugrov, M. M. Golubkov. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta Publ., 2010. 544 p. Pp. 428–461. [In Russian].
10. *Russkiye pisateli: bibliograf. slovar'-sprav. dlya uchitelya [Russian Writers: Bibliographical Dictionary for Teachers]*. Ed. by D. S. Likhachev, S. I. Mashinsky, S. M. Petrov, A. I. Revyakin; compiled by A. P. Spasibenko and N. M. Gaidenkov. Moscow: Education Publ., 1971. 728 p. [In Russian].
11. Tolstoy L. N. *Povesti i rasskazy [Short stories and tales]*. Moscow: Mir knigi: Literatura Publ., 2006. 448 p. [In Russian].
12. Chernova L. A., Dubova M. A. Myslitel'naya deyatelnost' personazha (povest' A. P. Chekhova «Moya zhizn'») [Character's Train of Thought (based on A. P. Chekhov's short story "My Life")]. *Vestnik Rossiiskogo Universiteta Druzhby Narodov. Seriya: Teoriya Yazyka. Semiotika. Semantika [RUDN Journal of Language Studies Semiotics and Semantics]* 2017. Issue. 1. Pp. 138–148. [In Russian].

Сведения об авторе

Дубова Марина Анатольевна –
доктор филологических наук,
доцент, профессор кафедры
русского языка и литературы
ГОУ ВО МО «Государственный социально-
гуманитарный университет»
(e-mail: dubovama@rambler.ru).

Information about the Author

Dubova Marina Anatolyevna,
Doctor of Philology, Associate Professor,
Professor of the Department of Russian
Language and Literature at State
Educational Institution of Higher Education
of Moscow Region "State University of
Humanities and Social Studies"
(e-mail: dubovama@rambler.ru).